

ИГРЫ В БУДУЩЕЕ

Три тезиса к дискуссии об утопиях и антиутопиях

Аннотация: В статье предлагается попытка объяснить утопии и антиутопии как вполне реальные варианты развития. В этом серьезном жанре будущее открывается как набор возможностей, а противоречия современной жизни находят свое объяснение посредством соотнесения с будущим. Картины будущего заставляют нас определиться в отношении к нему, так что утопии и антиутопии играют активную роль в том, как мы направляем или перенаправляем ход нашей жизненной истории. В этом стремлении оспорить ход истории и преодолеть «структуры закрытого мира» фантастика оказывается временной союзницей христианства. В развитии этого подхода автора предлагает три тезиса: о будущем как открытом будущем; об утопиях и антиутопиях как форме пророческого воображения и нашего самоопределения в отношении к будущему; о картинах будущего как приглашении, вдохновении и предупреждении. Согласно выводу автора, многие мотивы утопий и антиутопий созвучны мотивам христианской эсхатологии и находят свое объяснение при прочтении через оптику христианского мировоззрения.

Ключевые слова: *утопия, антиутопия, будущее, фантастика, христианство, воображение, реальность, вера.*

Games for the future. Three theses for the discussion on utopias and dystopias

Abstract: The article offers an attempt to explain utopias and dystopias as quite real options for the future. In this serious genre, the future opens up as a set of possibilities, and the contradictions of modern life find their explanation through correlation with the future. Pictures of the future force us to determine our personal and collective approach towards it, so that utopias and dystopias play an active role in how we direct or redirect the course of our life and world history. In this quest to challenge the course of history and overcome the “closed world structures”, science fiction turns out to be a temporary ally of Christianity. In developing this approach, the author offers three theses: about the future as an open future; about utopias and dystopias as a form of prophetic imagination and our self-determination in relation to the future; about the pictures of the future as an invitation, inspiration and warning. According to the author’s conclusion, many motives of utopias and dystopias are consonant with the motives of Christian eschatology and find their explanation when read through the optics of the Christian worldview.

Key words: *utopia, dystopia, future, fantasy, Christianity, imagination, reality, faith.*

---

*Михаил Черенков, доктор философских наук, профессор (Украина).
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6800-1945>*

*Чаще всего будущее наступает не как вторжение
чего-то абсолютно неизвестного и непредвиденного,
но как исполнение уже известных утопий и антиутопий.*

*Если вы хотите знать будущее — присмотритесь к образам
и прислушайтесь к словам тех,
кто способен разбудить наше воображение.*

Прежде чем предложить краткое эссе и несколько тезисов в развитие этой идеи, позволю себе немного личного. Решаясь написать на тему будущего, утопий и антиутопий, я понимал, что мне предстоит встретиться лицом к лицу с внутренним вызовом, мировоззренческой травмой детства.

Речь о том, что я довольно рано полюбил фантастику. Читал ее наряду с Библией и исторической литературой. И все время мучился в себе, пытаюсь примирить увлечение фантастикой с верностью христианскому мировоззрению и требованиями обыденного здравого смысла.

Не удивительно, что фантастические миры были намного интереснее социалистического реализма, который господствовал везде — и в книгах, и в жизни, и в школе, и даже в церкви. Советская реальность пыльного шахтерского города, в котором я рос, казалась мне вовсе не реальной, а искусственной, точнее безыскусной подделкой под реальность.

Принимать эту реальность за единственно возможную — вот это казалось фантастикой в плохом смысле слова, то есть чем-то поддельным, невероятным, надуманным, далеким от настоящей реальности. А вот спорить с этой серой реальностью как единственно возможной и дерзко представлять другие возможные миры — это казалось мне естественным для каждого свободного и мыслящего человека.

Я помню, как прочитал несколько томов Герберта Уэллса в первых классах школы и удивился: откуда он мог знать, что все это будет? То, что пренебрежительно называли фантастикой, для меня было частью многомерной реальности. Более того, это было частью моего протеста против попыток окружающего общества ограничить реальность рамками того, что допустимо и совместимо с господствующей картиной мира.

В стремлении преодолеть «структуры закрытого мира» (об этом можно больше прочитать у Чарльза Тейлора в его текстах о секулярной эпохе и ее влиянии на наше представление о реальном) фантастика оказывалась союзницей христианства.

Напряжение между моей страстью к фантастике (в основе которой лежит вера в том, что сила воображения, веры и мысли может преодолевать притяжение «реальности») и верностью моей христианской традиции (которая одобряет далеко не всякое стремление воображения, веры и мысли) сохраняется и сегодня, но, как мне кажется, оно не столько беспокоит чувством вины, сколько подталкивает и окрыляет, помогает мыслить и воображать смелее, хотя и обязывает к ответственности за эти творческие

порывы. К тому же теперь я знаю несколько больше о том, что стояло за моей страстью к воображаемым мирам, понимаю немного лучше их связь с реальностью и христианством.

В надежде, что мой опыт и его осмысление помогут другим христианским мечтателям лучше понять себя в свете возможного будущего и примирить свои внутренние противоречия, предлагаю три простых тезиса о будущем, утопиях и антиутопиях.

ТЕЗИС ПЕРВЫЙ: УТОПИИ И АНТИУТОПИИ ОТКРЫВАЮТ ПЕРЕД НАМИ БУДУЩЕЕ КАК НАБОР ВОЗМОЖНОСТЕЙ

◆ Если исходить из того, что утопия — это картина того, что отсутствует, то надо спросить: а как именно оно отсутствует? Здесь? Уже? Пока? На мой взгляд, почти все утопии связаны не с каким-то другим или идеальным местом, но с тем пока отсутствующим местом, в котором мы можем оказаться в будущем времени. То есть все эти утопические миры вполне возможны. Не в принципе, не для кого-то, а именно для нас, для нашей эпохи. В противном случае они не обладали бы такой притягательной силой, не стали бы достойными пера авторов и внимания читателей.

Где же они? Не в другом месте. Но в другом времени. В будущем. Невозможное здесь и сейчас возможно в будущем, там и тогда.

Благодаря своеобразной оптике жанра будущее утопий и антиутопий может быть понято не как та объективная реальность, что наступает, но как время и пространство возможного. Именно поэтому тема утопии прямо связана с темой будущего, с воображением желаемого будущего. Соответственно, антиутопия представляет нежелательный образ будущего.

За последние несколько десятилетий в отношениях между утопией и антиутопией как жанрами литературы и настроениями общества произошли странные перемены. Если раньше жанр утопии был предпочтительнее, то сейчас он потерял былую популярность.

Сейчас воображением людей правят антиутопии. И похоже, что люди с этим смирились. Хорошо было бы обсудить эту странную инверсию от утопий к антиутопиям — о чем она говорит, о каких духовных болезнях общества и какого рода «прогрессе»?

Люди еще способны воображать, но они перестали верить. Они видят будущее в оптике страха, отчаяния, зла. Поэтому в большинстве антиутопий мы не находим места Богу и вере в него, люди предоставлены сами себе, помощи свыше ждать не приходится, жизнь заканчивается катастрофой, «ходячими мертвецами» или серым существованием.

Здесь нужно понимать, что утопии и антиутопии — это игры в будущее. Они возможны, но отнюдь не необходимы. Они имеют опасное свойство сбываться лишь тогда, когда большое число людей принимает их как ре-

альные и неизбежные, начинает верить, т.е. «уверяясь в невидимом», «осуществлять ожидаемое». Иными словами, будущее доступно нам в разных вариантах. В том, какой из них реализуется, играют роль наше воображение и наша вера.

В христианском мировоззрении Бог остается Богом во всех вариантах будущего, там нет места для внешней силы, вторгающейся в историю и определяющей наше будущее за нас и без нас. Нет места капризам судьбы или «игре в кости». Нет места и жесткому, не зависящему от нас сценарию. Многое возможно и обратимо. В пределах человеческой истории нет такого единого детального плана, который обязывал бы нас к рабскому подчинению или безвольной пассивности.

Будущее остается открытым. И Бог – гарант этой открытости. В этом смысле игры нашего воображения помогают нам понять возможные варианты будущего, выбрать один из них и подготовиться к нему.

Итак, поскольку мы хотим лучше подготовиться к будущему, постольку проигрываем его самые разные варианты, но настраиваемся на более предпочтительные сценарии.

Эту работу с образами будущего можно было бы назвать игрой, если бы не серьезность ее последствий. Здесь есть место страсти, творчеству, спонтанности, эмоциям. Здесь нет одной линии, здесь есть целый веер возможностей в отношении будущего. При этом нет возможности вернуть все назад, переиграть, передумать. Выбрав образ будущего, мы выбираем и образ своей жизни, и ее понимание - переопределяем и пересматриваем в свете будущего все то, что ранее считали твердой, объективной реальностью.

В каком-то смысле мы теряем почву под ногами. Потому что влияние образов будущего оказывается сильнее того, что нам говорят органы чувств и соображения рациональности, общественные нормы и школьные учебники, научные эксперты и церковные инквизиторы, каналы пропаганды и социальные сети.

В конце концов, большинство из того, что мы считаем реальным, определяется работой нашего воображения в ходе игры в самые разные возможности. Воображение создает и отбирает те из них, которые для предпочтительны для нас.

В каждой книге оживает новый мир, воображаемый, но по силе воздействия не менее реальный. В каждой рассказанной истории есть гораздо больше, чем «объективные» факты. И даже цитата из Библии не отделима от интерпретации читателя, окружена большим облаком предпосылок и предположений, интересов и перспектив.

Если мы готовы признать и вернуть в свою жизнь силу воображения, это расширит наше понимание реальности и сделает возможным альтернативные прочтения многих книг. Кстати, разве не картины будущего поражают нас больше всего в библейских текстах? Поражают так, что мы не

спрашиваем об их реальности, потому что уже захвачены их реальностью как высшей и основной. Если это так, то и к фантастике нужно относиться без высокомерия и пренебрежения, свойственных циничным реалистам и религиозным законникам.

Утопии и антиутопии совмещают в себе реальность и вымысел, свободно переходят границы возможного и действительного, преодолевают пределы физического и рационального. В этом жанре хорошо видно, как реальность и вымысел определяют друг друга, как воображение питается реальностью, но затем раздвигает, углубляет, возвышает наше понимание реальности.

Надо понимать, что фантастика не может быть стопроцентной выдумкой, она отражает вполне реальные процессы, достраивая и додумывая невидимые связи и переходы. Это все берется вовсе не «из головы», материал берется из реальной жизни. Фантастика — это лишь способ его обработки, или, говоря иначе, специфика его осмысления и художественного оформления.

В этом смысле утопии и антиутопии — это то, к чему нас готовит развитие мира, это продолжение, продление уже существующих трендов в будущее, наиболее отдаленная, перспективная, передовая часть реальности, ее временной фронтир.

Звездные войны, зомби, роботы, вездесущие страшные вирусы, тоталитарный контроль, цифровое рабство, мировое правительство — что из этого можно считать выдумкой? Не стала ли фантастика частью нашей реальности? Не была ли она этой частью всегда? Не выражает ли она в научно-популярной форме то, что уже давно известно религиозным мистикам и пророкам о Боге и дьяволе, рае и аде, природе реальности и призвании человека, начале и конце истории?

Современные утопии и антиутопии представляют собой мыслительные эксперименты с использованием инструментов научно-технического и социального конструирования. Но во всем этом есть и духовное измерение, так что все *образы будущего — это проекция того, что происходит в реальности нашего внутреннего мира.*

Очень странно, что большинство наших современников готово принять в качестве реальности удивительное разнообразие самых причудливых научных и социальных (анти)утопий, но по-прежнему избегает духовных вопросов. Для них легче путешествовать во времени, чем путешествовать вглубь себя.

Духовный мир остается наименее освоенной территорией, и вполне возможно, что подступиться к нему будет легче со стороны (анти)утопий, чем путем научных доказательств. Воображение всегда работает с уже имеющимся материалом, не спрашивая о его происхождении и подтверждении «наукой». В своей работе с образами возможного воображение всегда опирается на реальность вещей, социальных процессов, образов и архетипов, психологических состояний, духовных откровений.

Не так важно, есть ли такая «вещь», «существо» или «событие», но страх того, что они могут иметь место в нашей жизни, вполне реален; еще более реальна сила веры, надежды, любви, двигающая светилами и людьми, вещами и процессами. Здесь мы упираемся в границы науки и так называемой научной, т.е. материалистической картины мира, но смелое воображение выводит нас за эти пределы.

Если утопии и антиутопии — это более или менее возможные миры, то что стоит за нашими играми в них? На это отвечает наш второй тезис.

ВТОРОЙ ТЕЗИС: УТОПИИ И АНТИУТОПИИ ПОМОГАЮТ ОБЪЯСНИТЬ МИР В ЕГО РАЗВИТИИ

◆ Приоткрывая будущее, они дают цель и смысл нашей современной жизни. Создание утопий и антиутопий — человеческая попытка оправдать противоречия жизни и объяснить развитие мира, придать всему схему и план. Т.е. в игре с образами будущего человек имеет дело не просто с любыми возможностями, то с теми из них, в которых есть место ему, его страхам и надеждам, его свободе и вере, его решениям и поступкам.

Человек не столько определяется с будущим, сколько сам определяет себя посредством будущего и определяет будущее посредством себя. С одной стороны, это попытка представить возможное развитие. С другой стороны, это попытка оспорить развитие и предложить свой образ будущего. Никто не знает, как это будет, поэтому все схемы в духе «что будет с этим миром» несут в себе порцию обычной фантазии. Но иногда выражают глубинные интуиции и неожиданные прозрения.

Герберт Уэллс ошибался во многих социально-политических оценках, но его фантастические романы оказались пророческими. В предисловии к новому изданию «Войны в воздухе» (1941) он выразил пожелание, чтобы его эпитафией стали слова: «Я вас предупредал...».

Помимо ориентирующей роли в отношении будущего утопии и антиутопии играют терапевтическую роль здесь и сейчас, поскольку выражают наши страхи и надежды. Утопии воплощают наши надежды, проецируют их в будущее, оживляют их. Антиутопии выражают наши страхи и помогают от них же избавиться, или переболеть ими в более легкой форме.

Обычно мы говорим о будущем как о нашем будущем, но в работе с разными образами будущего мы сталкиваемся с чем-то большим. Утопии и антиутопии как образы будущего — это одна из форм, которые может принимать «пророческое воображение». И тогда оказывается, что нам открываются такие образы, которые трудно назвать желанными, в которых нет места нам таким как мы есть сегодня, но эти образы все же возможны. К чему они нас призывают, побуждают, ведут?

Об этом говорит наш третий тезис.

ТРЕТИЙ ТЕЗИС: УТОПИИ И АНТИУТОПИИ ПРИЗЫВАЮТ НАС ИЗМЕНИТЬ СЕБЯ И РАЗВИТИЕ МИРА

◆ Они помогают нам скорректировать ход истории, призывая нас выбрать лучший образ будущего и реализовать свой выбор в последовательности повседневных жизненных решений.

Они помогают нам представить, что будет, если мы продолжим жить так как жили, и помогают задуматься о нашем личном выборе в отношении будущего, а также о тех необходимых переменах в нашей жизни, к которым этот выбор обязывает.

К большому сожалению, чаще всего утопии и антиутопии читают именно как фантастику, которой нет места в сегодняшней и завтрашней реальности. Воспринимая эти образы и тексты как несерьезный жанр, люди упускают шанс на перемены. Поэтому многие антиутопии сбывались в истории неоднократно, и похоже, что мы будем переживать их в будущем как исполняющееся, хотя не понятое и не принятое пророчество.

Это помогает понять, как Джордж Оруэлл вновь стал актуальным. И почему Евгения Замятина до сих пор трудно читать. Интересно, что Оруэлла я легко осилил в школе. А вот Замятина читать не смог, хотя были они под одной обложкой под названием «Антиутопии XX века». Почему так? Потому что Замятин гораздо страшнее. Оруэлл писал о том, как сходят с ума где-то на Западе. Замятин писал, как сходим с ума мы, (пост)советские люди.

Их книги читали так, будто описанное ими вовсе не о нас, будто все это происходит не с нами и не по-настоящему. Но как оказалось, оба писали очень актуальные вещи для всех нас и нашего века, тогда XX, а теперь уже и XXI. Я никогда не думал, что их тексты оживут в новом веке у меня на глазах, что оба окажутся пророками и что сказанное ими окажется не сбывшимся, а постоянно сбывающимся пророчеством. Такой же современной и пророческой кажется Айн Ренд.

Отдельный вопрос, почему в этих картинах будущего нет ничего христианского. Мы можем обижаться, что они не нашли нам места. Но вместо обиды стоило бы переживать и спрашивать себя самих о том, почему наше христианство не находит продолжения в будущем, что с ним не так, почему оно настолько сживается с преходящим порядком мира, почему оно определяется прошлым и мало интересуется будущим. Думаю, послевоенное критическое настроение объясняет многое в книгах названных авторов. В мире «после Освенцима» пытались обойтись без насилия и религии, которая насилие оправдывала и даже освящала. Сегодня воображение работает не столько над тем, чтобы представить мир без религии, сколько над тем, чтобы представить религию без насилия.

Очевидно, что мы с большим трудом воображаем будущее без Бога и веры в Него. Но это не значит, что все формы веры имеют будущее.

Вавилонская башня. Питер Брейгель Старший, 1563 г. Музей истории искусств, Вена.

Место в будущем отнюдь не гарантировано, даже для тех слишком верующих в себя, кто все еще пытается жить утопиями «морального большинства» и «сделать Америку снова великой», равно как и для тех, кто готов воевать до победного конца за «православный русский мир», превратить богопротивный Запад в радиоактивный пепел и повесить свой святой щит на ворота Царьграда. Похоже, что утопичность этих утопий понимают даже их самые ревностные проповедники. Может быть поэтому агрессивные утопии иногда сопровождаются запасными вариантами, антиутопическими ожиданиями ядерной зимы у одних, немедленного взятия Церкви (которое последний раз назначалось пророками на 20 сентября 2020 года) у других, или же общераспространенными конспирологическими теориями (сегодня в меню QAnon, вакцины, чипы, пандемия, Сорос, Гейтс и прочие либералы-глобалисты-социалисты-постмодернисты), которые помогают объяснить неудачи хороших утопий.

Понятно, что настоящие утопии и антиутопии не размениваются на конспирологию, они идут дальше временных сенсаций, скандалов и конфликтов, они работают с будущим и ставят вопрос о гораздо более радикальных переменах.

Если помимо эстетического, развлекательного и терапевтического эффекта утопии и антиутопии не производят в нас и нашем способе жизни никаких перемен, это означает лишь то, что самое главное в них мы так и не поняли. Утопии и антиутопии создаются не для того, чтобы спящий видел сладкие сны, но для того, чтобы спящий проснулся. Вспышка из будущего

должна разбудить и навсегда лишит покоя. Мне вспоминается хороший вопрос одного из героев фантастических романов: «Мог ли я, видевший иные миры, довольствоваться обычным серым существованием?». Лучшие из утопий и антиутопий захватывают наше воображение так сильно, что уже не отпускают, держат в бодрствующем, тревожном, ожидающем состоянии. Они освобождают от власти сна, привычки, большинства, текущего момента.

В утопиях и антиутопиях картина будущего становится главной картиной мира. Раньше мы мыслили мир более-менее статичным, поэтому реальность находила свое объяснение в рамках господствующей картины мира. Но сегодня вряд ли приходится говорить о стабильности и стабильном образе мира. Мы находим себя не в положении, а в постоянном движении, постоянном ускорении. И здесь на место картины мира приходит картины будущего. Она не дает нам системы, лишь вспышку. Но такую вспышку, в свете которой меняется наше представление о настоящей жизни и ее связи с будущим, а также меняется наше понимание реальности в свете будущего. Такую вспышку дает, например, «Краткая повесть об антихристе» из «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Владимира Соловьева, в которой «небо распахнулось великой молнией». Последние сцены буквально захватывают наше воображение, помещают нас в пространство личного и исторического выбора между Христом и антихристом.

То, что мы узнаем о будущем, заставляет нас определиться в отношении к нему. Утопии и антиутопии играют активную роль в том, как мы направляем или перенаправляем ход нашей жизненной истории.

Утопии вдохновляют. Так самая главная утопия, утопия Божьего Царства побуждает нас жить и воображать, молиться и трудиться так, будто Божье Царство уже сейчас стало подлинной и единственной реальностью.

Антиутопии предупреждают. Они показывают нам страшные картины будущего, которое оказывается вполне возможным, если мы продолжим жить как живем сейчас. Вдохновение и предупреждение – именно то, что нам так нужно сегодня, как и всегда, чтобы жизнь продолжалась, чтобы будущее было возможным, и чтобы оно было таким, в котором найдется место для нас и наших надежд.

Итак, утопии и антиутопии – это довольно серьезный жанр, в котором будущее открывается как набор возможностей, а противоречия современной жизни находят свое объяснение посредством соотнесения с будущим. Но самое главное в том, что (анти-)утопические картины будущего представляются нам как личное приглашение задуматься о способе своей жизни и выбрать себе лучшее будущее.

Очевидно, что все три моих тезиса очень сильно созвучны основным мотивам христианской эсхатологии, так что прочтение утопий и антиутопий через оптику христианского мировоззрения представляется делом оправданным и перспективным.